У любого поэта есть собратья по перу. Были они и у Михаила Анищенко. С кем-то он был близок, с кем-то далёк. А кого-то и в глаза не видел. Но все они «играли» на одном поле под названием «Русская литература». Остались немногочисленные фотографии, на которых Михаил Анищенко вместе со знакомыми поэтами. Остались и стихотворения, в которых он упоминает некоторых поэтов своей эпохи. По-разному складывались отношения с ними, а с кем-то из них и вовсе не было непосредственного общения. Интересно почитать эти стихи и поразмышлять над их содержанием.

Я и Бродский

Я был печальным и неброским,
Я ненавидел «прыг» да «скок»,
Не дай мне, Бог, сравнений с Бродским,
Не дай-то Бог, не дай-то Бог!

Стихов его чудесный выдел
Я вряд ли жизнью оплачу.
Он видел то, что я не видел,
И то, что видеть не хочу.

Он, как туман, не верил точке
И потому болтливость длил,
И боль земную на цепочке
Гулять под вечер выводил.

Он верил образам и формам,
Особым потчевал питьём,

И пахли руки хлороформом,
Марихуаной, забытьём.

И понимал я злей и резче,
Что дым клубится без огня,
Что как-то надо поберечься
От слёз троянского коня.

Почему же поэт не хочет, чтобы его сравнивали с Иосифом Бродским? И почему, хотя они никогда не встречались, в стихотворении сквозит неприязнь к другому поэту? Попробуем в этом разобраться.

Поэты – народ сверхчувствительный, они обделены «толстокожестью». Если что-то им не нравится в другом поэте, они воспринимают это болезненно и не скрывают своего отношения. Ещё Александр Блок в стихотворении «Поэты» намекал на подобное: «*Там жили поэты, – и каждый встречал другого надменной улыбкой*». И это происходило не потому, что каждый их них был «редиской». Просто почти любой поэт считает, что стихи нужно писать так, как это делает он; другие стили, символы и смыслы для него неприемлемы.

Михаил Анищенко признавал «чудесный выдел» стихотворений Иосифа Бродского и даже говорил, что ему вряд ли хватит всей жизни, чтобы достичь такого поэтического изящества. Бродский «*видел то, что я не видел, и то, что видеть не хочу*». Да, Михаил Анищенко не был ни в Европе, ни в Америке. Но и особого желания побывать там у него не возникало, – потому что он «как преступник к высшей мере» «приговорён» к России и всецело жил её бедами и печалями. Михаил Анищенко отмечал изящную форму стихов Бродского, но скептически относился к содержанию его поэзии («И потому болтливость длил»), да и «боль земная» была у собрата по перу настолько легковесная, что он её «гулять под вечер выводил».

В третьей строфе стихотворения отмечаются некоторые черты личности И. Бродского. В частности, он «особым потчевал питьём»; известно, что Иосиф любил виски «Бушмиллс» и русскую водку, настоянную на кинзе. Видимо, Бродский лечился от чего-то, и использовал хлороформ. Бродский курил до пяти пачек сигарет в день (называл табак «моим Дантесом»), ну а табак с марихуаной, которая является лёгким наркотиком, во многих странах законодательно разрешён.

Главная причина неприязни раскрывается в последней строфе: «*И понимал я злей и резче, что дым клубится без огня*». Чем чаще поэт Анищенко знакомился с поэзией Бродского, тем в большей степени у него возникало неприятие этой поэзии. Всевозможные возгласы о гениальности Бродского – это всего лишь «дым», а огня поэзии там мало, скорее уголья. Да и Нобелевская премия по литературе дана Бродскому (как и Пастернаку, и Солженицыну) по политическим, а не иным мотивам. Михаил Анищенко рассматривал фигуру Иосифа Бродского как троянского коня, изготовленного для России Западом. В какой-то степени это было на самом деле так.

Гениальный поэт – это тот, чью поэзию знает народ. Тот, чьи строки цитируют в разговорах. Тот, чьи стихи положены на музыку, чьи песни поют или часто слушают. Ничего этого мы не наблюдаем, если говорить о поэзии И. Бродского.

Есть ещё одно стихотворение у Михаила Анищенко, где он упоминает другого собрата по перу.

Барабанщик

Царизм, инквизиция, пряник и кнут,
Всё горше в России и горше…
Но всё, что сегодня нещадно клянут,
Люблю я всё больше и больше.
Никто не сочтёт безымянных утрат…
Но, помня о русской Победе,

В последнем трамвае последний парад
По улице Сталина едет.
На грязной подножке стоит идиот,
Сияя зубами и славой;
А следом за ним барабанщик идёт,
Убитый потом Окуджавой.

Кого-то настораживает строка «На грязной подножке стоит идиот». Кто он такой – этот идиот? Мне представляется, что поэт вложил в этот образ понятие «сверхпорядочный человек». Да, тот самый образ, который создал Ф. М. Достоевский в романе «Идиот». И это утверждение косвенно подтверждается тем, что Михаил Анищенко часто берёт на вооружение в своей поэзии («Шинель», «Барыня» и др.) образы из нашей литературной классики. Кроме того, он всегда точен в использовании значения слов. И, наконец, в пользу такого прочтения говорят последние две строчки стихотворения: барабанщик – глашатай Победы. Но пройдёт время, и его «убьёт» Окуджава, который уже не поёт «*и комиссары в пыльных шлемах склонятся, молча, надо мной*». Михаил Анищенко вставил в стихотворение фамилию именно этого поэта по двум причинам. В одной из своих песен Булат Окуджава «убивает» барабанщика. На дороге жизни обязательно встретишь политический туман. И Булат Окуджава заблудился в нём: подписал известное обращение некоторых литераторов под названием «Раздавите, гадину!», которое было опубликовано после того, как Б. Ельцин 4 октября 1993 года расстрелял Дом Советов и разогнал Съезд народных депутатов России, являвшийся высшим органом государственной власти в соответствии с действующей тогда Конституцией.

Владимир Смык в своей статье «Прогулки без Пушкина или поэзия вседозволенности» отмечает: «*... по мере того, как ослабевал идеологический пресс, в СССР зрела культура андеграунда... Она напрочь порывала с идеологией и эстетикой*

соцреализма и реализма в целом. После падения социализма андеграунд автоматически превратился в постмодерн, с характерным для него отказом от истины, подменой реальной картины жизни произвольными конструкциями, вольным или невольным пародированием духовно значимых символов».

Михаил Анищенко, обучаясь в Литературном институте, занимался в семинаре поэта Юрия Кузнецова, который во второй половине своей творческой жизни фактически становился символистом. Юрий Кузнецов, как и Иосиф Бродский, не стал народным поэтом. О его творчестве начали спорить лет пятьдесят назад, и этот спор продолжается и поныне. Одни называют Юрия Кузнецова гением, другие считают, что он нанёс существенный вред русской поэзии и завёл значительную часть поэтов в творческий тупик. Страшно далека его поэзия от народа, узок круг её читателей. Где-то в 2001–2002 годах открываю я журнал «Кубань» и вижу во всю первую страницу портрет, а внизу написано «Великий русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов». Удивился, – потому что звание «великий» присваивает Время, а не провинциальный литературный журнал.

Общаясь с Ю. Кузнецовым, Михаил Анищенко, разумеется, не мог не попасть под влияние этого талантливого и уже широко известного в то время поэта. Вот как он вспоминает об этом в стихотворении, написанном на смерть своего учителя:

В его душе летели птицы,
Планеты плавали в огне;
И проливались на страницы
Слова, неведомые мне.
И я его любое слово
Глотал, забыв и стыд, и срам,
И, как трамвай от Гумилёва,
Летел по призрачным мирам.

Анищенко уважал и ценил Юрия Кузнецова. И всё же влияние постмодернизма не оказалось чрезмерным. Используемые поэтом символы большей частью понятны не только литературным критикам, но и читателям. Рассмотрим ещё одно стихотворение Михаила Анищенко, в котором он упоминает Юрия Кузнецова:

Время поста и пора разговенья.
Стол и тетрадка. Огарок свечи.
Бездна молчанья и пропасть забвенья –
Слева и справа – зияют в ночи.

Что происходит со мной? Непонятно.
Жизнь утекает, как капли с весла.
Доброе слово и кошке приятно,
Я же, как кошка в когтях у орла.

Выше и выше взлетает несчастье,
Страшно когтями по тучам скрести.
То ли меня разорвёт он на части,
То ли над пропастью бросит: лети!

Что за беда? Не пойму и не знаю.
Знал Кузнецов, но сказать не посмел.
Русь подо мною. Лечу. Умираю.
Вот и сбывается всё, что хотел.

В первой строфе поэт констатирует тот факт, что он никому не нужен. Власть знать его не хочет, от таких её коробит; ей нужны представители легковесного шоубизнеса и примитивные скоморохи. (Когда Евгений Евтушенко позвонил руководителю департамента культуры Самарской области и спросил про Михаила Анищенко, то чиновница, помолчав, сказала, что она такого поэта не знает). Друзья забыли о его существовании, литературные журналы его тексты игнори-

ровали. И так проходили месяцы, годы и «жизнь утекает, как капли с весла». А Михаилу Анищенко хотелось, как и любому другому человеку, чтобы оценили его труд и сказали «доброе слово» о его литературном творчестве. А он писал не только стихи, но и прозу и пьесы.

Но вместо этого он «как кошка в когтях у орла». Орёл – это, конечно же, власть. Не зря на гербе у этой власти – двухголовый орёл. И этому орлу наплевать, что поэт живёт даже не в бедности, а в нищете.

Жизненные силы у поэта кончаются, здоровье подорвано. Он не знает, что делать, как жить дальше. По его мнению, Юрий Кузнецов многое знал, но не поделился ни с кем своими знаниями и, уходя из жизни, унёс эти знания с собой. Или оставил их в своих поэмах, которые толком пока не «прочитаны» его соотечественниками. В момент написания стихотворения поэту жить уже не хотелось: «*Умираю. Вот и сбывается всё, что хотел*». Он понимал, что трудно научиться жить, но ещё труднее – научиться умирать.

Однако неожиданно для всех, и для Михаила Анищенко тоже, его поэзию заметил и очень высоко оценил Евгений Евтушенко. И не только заметил, но и существенно помог в решении многих вопросов.

И в жизни Анищенко «*звёздный час пришёл невольно*»: начались его выступления в клубах, звонки из разных городов с просьбой приехать и провести поэтический вечер, поздравления, было издано несколько книг. Был даже переезд в подмосковную Истру. Впрочем, начать новую жизнь легко, трудно закончить старую. На новом месте поэт надолго не задержался. Он рассорился (скорее всего, из-за разногласий в оценке политических событий в стране) с Евгением Евтушенко и написал вот это стихотворение:

Цап-царап

Звёздный час пришёл невольно,
Как ночной галеры раб.
Отчего же сердцу больно:
Цап-царап да цап-царап?

Молоко горчит, а пенка
Словно сладкое желе.
Зря ты, Женя Евтушенко,
Помогал мне на земле.

Не осталось, Женя, веры,
Всё отбито на испод.
Не хочу бежать с галеры
В мир банановых господ.

Самое ценное, что у нас есть – это смысл жизни. Не захотел Михаил Анищенко жить в «мире банановых господ» и вернулся в село Шелехметь, в «нищету и грусть». Бедность не страшна тому, кто не стремится к богатству. Поэт понимал, что страдание приближает нас к истине. А стихотворением «Цап-царап» он как бы сказал «Спасибо!» Евгению Евтушенко за участие в своей судьбе.

И безвременье имеет своих героев. И один из них – выдающийся поэт Михаил Всеволодович Анищенко. У него была счастливая творческая жизнь. Но беда в другом: если у человека была счастливая жизнь, это ещё не означает, что и сам он был счастлив. Поэт заслужил бессмертие души, потому что бессмертие души – это духовные ценности, которые живут после смерти их автора. Настоящие поэты как звёзды: излучают свет и после смерти.